

ПАСКАЛЬ
КИВИЖЕР

КОРОЛЕВСТВО

КРАЕУГОЛЬНОГО
КЯДНЯ

МАСТЕР КРУЩЕНИЙ

Королевство Краеугольного Камня

Паскаль Кивижер

**Королевство Краеугольного
Камня. Книга 1. Мастер крушений**

«Самокат»

2019

Кивижер П.

Королевство Краеугольного Камня. Книга 1. Мастер крушений / П. Кивижер — «Самокат», 2019 — (Королевство Краеугольного Камня)

ISBN 978-5-00-167406-1

Первый том приключенческого фэнтези «Королевство Краеугольного Камня» – это захватывающее путешествие, которое начинается в разгар шторма на борту корабля. Наследный принц Тибо плывет домой, в Краеугольный Камень, – мирное процветающее королевство, где его ждут трон и верные подданные. Но Тибо не подозревает, что возвращение на родину будет не таким радостным и триумфальным, как он надеется, и что ему придётся сражаться не только за законное право на трон, но и за любовь к беглой темнокожей рабыне, которая тайком пробралась на его корабль. Паскаль Кивижер родилась в Канаде, Монреале. Получила диплом по философии и изобразительному искусству и переехала в Италию, где 10 лет занималась живописью и рисунком. Выросла во франкоговорящей семье. Над приключенческой серией «Королевство Краеугольного Камня» Паскаль Кивижер работала семь лет и опубликовала серию в канадском издательстве, а спустя несколько лет она была переиздана во Франции. 5 причин купить книгу «Королевство Краеугольного Камня. Книга 1. Мастер крушений»:

- Чтение-побег в другую реальность — захватывающий сюжет увлекает с первых строк;
- Интересный фэнтези-мир, в котором читатель чувствует себя участником событий, а не сторонним наблюдателем;
- С каждым томом сюжет накаляется, ни на минуту не отпуская внимание читателя;
- Роман, продолжение которого ждёшь с нетерпением — а что же дальше?
- Темы, актуальные как в вымышленном, так и в реальном мире: борьба за власть и право любить кого хочешь, предательство и подлость ближнему, равноправие, нравственный выбор.

ISBN 978-5-00-167406-1

© Кивижер П., 2019

© Самокат, 2019

Содержание

Об авторе	9
Отзывы читателей и прессы	10
1	11
2	14
3	17
4	21
5	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Паскаль Кивижер

Королевство Краеугольного

Камня. Мастер крушений. Книга 1

Любое использование текста и иллюстраций допускается только с письменного согласия Издательского дома «Самокат».

Original title: L'Art du naufrage (Le Royaume de Pierre d'Angle, Vol. 1)

© 2019, Pascale Quiviger

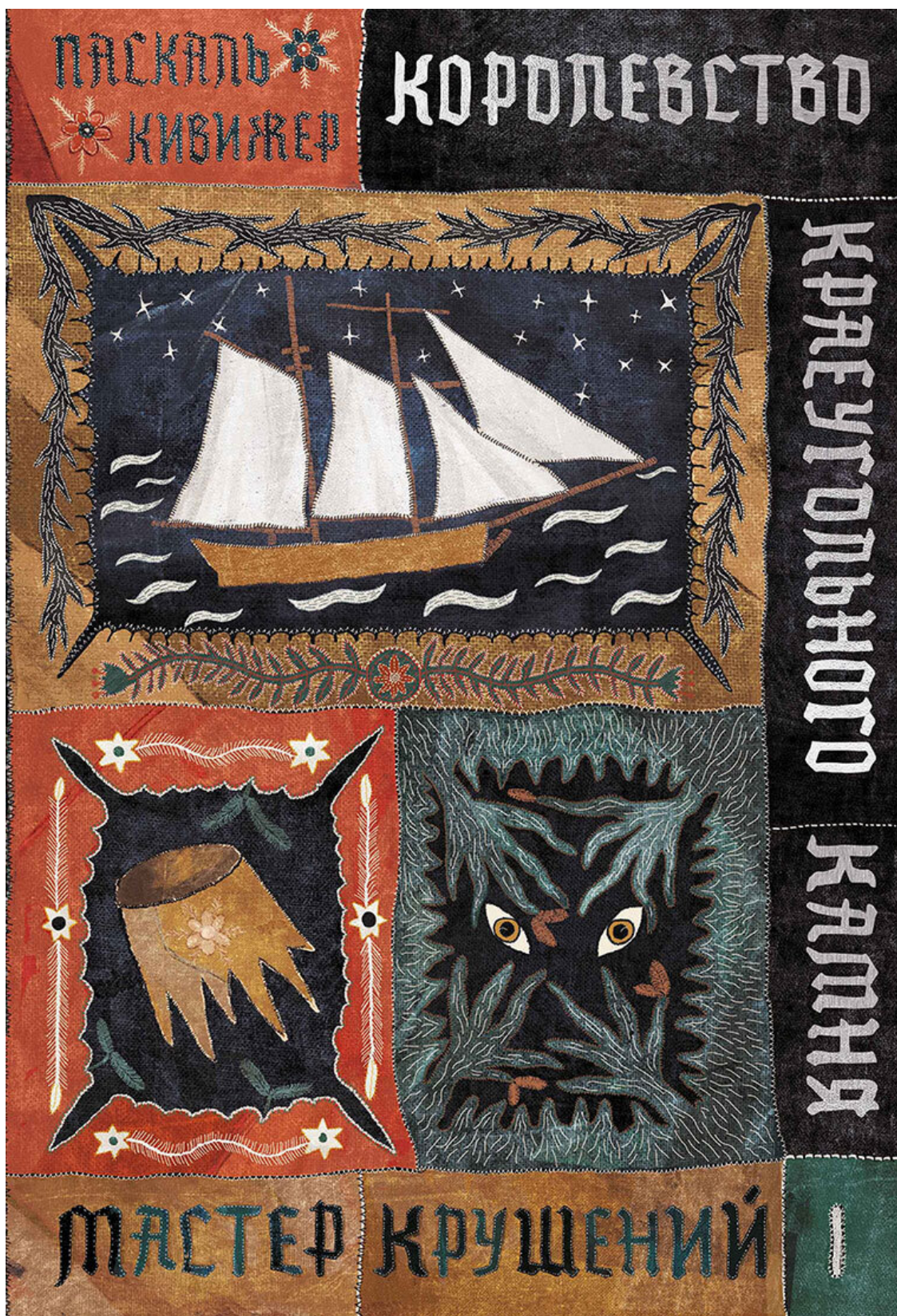
Published by arrangement with Agence littéraire Astier-Pécher

ALL RIGHTS RESERVED

© Кожевникова Е. Л., перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательский дом «Самокат», 2022

* * *

Le
Royaume
de Pierre d'Angle
- L'ART DU NAUFRAGE -
LIVRE I

Об авторе

Паскаль Кивижер (род. в 1969 году) – канадская писательница и художница. Она родилась во франкоязычной семье в Монреале и получила степень магистра философии в Монреальском университете и Страсбургском университете гуманитарных наук, а также степень бакалавра изобразительного искусства в университете Конкордия. Над приключенческой сагой «Королевство Краеугольного Камня» Паскаль Кивижер работала семь лет и опубликовала серию в канадском издательстве, а спустя несколько лет она была переиздана во Франции.

Отзывы читателей и прессы

«Язык романа прост, красив и поэтичен. Вроде читаешь про нашу жизнь, а вроде – про совсем другой мир. Смеешься там, где того не ожидал. Невольно поддаешься чарам автора, погружаешься в мир его истории. Читаешь роман медленно, не спеша, – надо же насладиться интригой! – и потихоньку узнаешь ход событий, раскладываешь все происходящее по полочкам. Первый том (а их четыре) начинается с моря и шторма. Кажется, что молодой принц Тибо хочет свернуть с пути, который ему подготовила судьба. Вскоре к нему присоединяется Эма, таинственная пассажирка, которая так же бежала от своей судьбы, от несчастья и унижений.

Паскаль Кивижер детально описывает жизнь на корабле, знакомит с героями истории, а также повествует о королевстве, флаг которого реет на паруснике молодого наследника. Королевство Краеугольного Камня издревле славится своей приверженностью к миру и правосудию, но что-то странное в нем происходит, нет былого покоя. И вот принц спешит домой как можно скорее, обстановка в его родном крае только накаляется.

Роман-фэнтези захватывает с первых строк. Сложный сюжет, неожиданные повороты – читатель не спешит, он наслаждается каждым мгном. Тут вечные вопросы любви и власти, побег от реальности, изгнание. И конечно, нельзя не сказать о попытках человека подстроить под себя необузданную силу природы. Могу точно сказать, что это необычный роман, продолжение которого все ждут с нетерпением».
Télérama

* * *

1

Волна нависала горой с белоснежной вершиной. Шхуну мчало прямо на нее. Миг, и гора обрушится. Раздавит! Потопит!

Но... Быть может, и нет.

Два часа назад моряки набили себе животы сухарями и холодным рисом, потому что с набитым животом человек становится гораздо устойчивее. Жаль, что салага юнга перегнулся через борт и уже расставался за милую душу со всем съеденным. Баталёр¹ позеленел, как лягушка, а штурман Феликс, здоровенный верзила, вцепился, чтобы не смыло, обеими руками в штурвал.

Волна обрушилась на «Изабеллу», словно Страшный суд. Салагу юнгу запросто унесло бы за борт, не ухвати его Феликс за ногу. Матросы, которые откачивали помпой воду из трюма, с опаской прислушивались, как кряхтит грот-мачта, а те, что работали на палубе, судорожно цеплялись за ванты. Последний час наступал для них не впервые. Моряки принимали беду терпеливо и беспрекословно выполняли команды адмирала Дорека, который орал что есть силы, перекрикивая грохот бури. Не подчинялся командам адмирала лишь один-единственный человек на шхуне.

– Принц Тибо! Сделайте милость, спуститесь к себе в каюту, – не приказывал, а умолял адмирал.

Но принц Тибо не внимал мольбам. Шхуна «Изабелла» – его судно, экспедиция – его идея, а тридцать два моряка – его команда. Поглядишь, как принц в непромокаемом плаще до полу вычерпывает котелком воду, а с широких полей его шляпы льет поток, и не увидишь разницы между наследником трона в Королевстве Краеугольного Камня и самым обыкновенным матросом.

Волны вокруг шхуны поднимались в три раза выше грот-мачты, их гребни были увенчаны белой пеной, а в изумрудной зелени боков мелькали причудливые тени – кашалоты и крылатые дельфины.

Буря опять пришла, и все по заведенному: набухшее небо, мокрая одежда, красные руки, оборванные снасти, погасшие фонари, сверкающие молнии. «Изабелла» – хрупкая ореховая скорлупка в бездонном океане, люди – пылинки в этой скорлупе.

Время не ждет, ведь действовать нужно стремительно, время тянется бесконечно, потому что ни у кого уже нет сил.

День перетек в ночь, и нежданно-негаданно, когда о спасении никто и мечтать не смел, облака немного разошлись и засияла звезда. Потом две звезды. А потом целое созвездие.

Буре конец. Как налетела она в один миг, так и утихла.

– Дозорный наверх! – скомандовал адмирал.

Вахтенный Пусен ловко добрался до наблюдательной вышки, расположенной на грот-мачте, и крикнул оттуда:

– Вижу землю!

О земле они тоже не мечтали.

– Наверное, Кириоль, адмирал? – спросил принц Тибо, отводя светлую прядь волос, всегда падавшую ему на глаза.

Адмирал Дорек передал вопрос впередсмотрящему:

– Пусен! Это Кириоль?

Дозорный наверху уперся локтями в бортик, чтобы сохранить равновесие, открыл компас и стал определять расположение темной полосы на горизонте.

¹ Человек, ведающий на судне продовольственным и вещевым снабжением. – *Здесь и далее – примечания переводчика.*

– Так точно, господин адмирал!

– Хм, – выдавил из себя Дорек.

– Надо же, вот и Кириоль, – раздался у него за спиной знакомый голос.

К принцу Тибо и адмиралу подошел Гийом Лебель, первый помощник; он промок насквозь, черты лица обострились от усталости, но темные глаза смотрели, как всегда, живо и весело. Лицо у Лебеля молодое, загорелое, а коротко остриженные волосы совершенно седые. Удивительный контраст.

– Хм, – снова выдавил адмирал.

– Отлично, – обрадовался Тибо. – Зарю мы встретим уже в порту.

Он приготовился объявить команде о побывке в городе. Матросы заслужили отдых, отменно потрудившись в бурю, которая могла их сильно задержать.

– Ни в коем случае, выше высочество, – остановил принца адмирал Дорек. – Мы бросаем якорь немедленно.

– Но, господин адмирал... – начал Гийом Лебель, удивленно протирая глаза.

Адмирал Дорек смерил его суровым взглядом. Он пользовался любым предлогом, чтобы поставить помощника на место, потому что завидовал ему. Природа щедро одарила Лебеля. Глубокому бархатному голосу охотно повиновались, прямые и дельные суждения уважали. К тому же он был отличным лодчманом, так что начальнику крайне редко выпадала возможность поучить его чему-нибудь, и теперь адмирал откровенно наслаждался.

– Дозорный увидел маяк, Гийом Лебель, – снисходительно проговорил Дорек и, сложив руки рупором, крикнул: – Ты видишь маяк, Пусен?

– Маяк, и не один! Их много, – подтвердил дозорный. – Маяки выстроились, будто дорогу нам указывают.

– Нисколько не сомневаюсь. Спускайся, Пусен!

Дорек повернулся на каблуках и окликнул двух проходивших мимо матросов:

– Феликс! Овид! Отдать якорь!

Верзила рулевой и толстяк баталёр бросились исполнять команду.

– Я не могу понять, адмирал... – начал Тибо.

– Многие соблазнились маяками Кириоля, ваше высочество. Вид привлекательный, ничего не скажешь. Но никто и никогда не станет подходить к Кириолю ночью. Никогда. Если дорожит судном. Командой. Товарами.

– О чем вы? Маяк – он и есть маяк. Разве нет?

– Если стоит в порту, а не в глубине суши.

– Что значит «в глубине суши»? – воскликнул Лебель и удостоился второго снисходительно-укоризненного взгляда.

– Всем известный факт, Гийом Лебель. Суда, которые доверяются маякам Кириоля, садятся на мель. Неважно, прилив на море или отлив. Конечно, кириольцы приходят им на помощь, и даже с большим удовольствием. Помогают высадить людей, а заодно очищают трюм. Кириольцы – пираты, которые не утруждают себя морскими плаваниями. Ненавижу кириольцев.

– Сто раз от вас слышал эту фразу, – заметил Тибо.

– Тысячу, – уточнил Гийом. – И не постыжусь повторить: ненавижу кириольцев.

Собеседники замолчали. В тишине позвякивала якорная цепь. Никто не спорил с Альбером Дорекком, маленьким человечком, который требовал, чтобы все его называли адмиралом, хотя в Королевстве Краеугольного Камня армии не было и в помине. Право на высокое звание подарили ему полвека морских путешествий и лысый череп, на котором играли океанские блики. Он прославился еще в молодости, когда желторотым матросом спас от верной гибели полярную экспедицию, которой очень не повезло. Экспедиция вернулась на родину с двумя

шкурами белых медведей, бочкой тюленьего жира, отмороженными ушами и пальцами ног – и положила начало блестящей карьере юного Дорека.

Теперь адмирал повиновался только приказам короля Альберика, который доверил ему принца Тибо. Долг свой Дорек исполнял с присущими ему добросовестностью и рвением. За адмиралом водился один-единственный грех: он жить не мог без миндального печенья. Печенье доставляли ему из родного города в большой жестяной коробке, и он прятал ее к себе под подушку. Именно сейчас адмирал вспомнил о печенье и сразу отдал приказ:

– Всем спать! Кроме вахтенных.

Вахта сменялась каждые четыре часа по удару большого корабельного колокола, ночная вахта зачастую была самой спокойной.

Тропики, влажные, душные и душистые, баюкали в своих объятиях «Изабеллу». Полярная лисичка, вырезанная на носу шхуны, насторожив уши, тянула мордочку вперед. Тишину нарушал скрип мачт и плеск морских волн, мягко ударяющих в борта. Изредка раздавался храп.

Шхуна провела в плавании уже полтора года. Моряки навидались редкостных зверей, удивительных растений, колдунов и шаманов с причудливыми ритуалами. Каких только диковинок не скопилось в трюме «Изабеллы»! Каких только образчиков редких минералов! А вот по части еды стало туго: сухари, что оставались в кладовой, до того затвердели, что их рубили топориком, а в бочонке с пресной водой поселились жирные черви. В общем, «Изабелле» пора было пополнить запасы продовольствия, а экипажу немного поразмять ноги. Неделю за неделей матросы видели вокруг одну и ту же морскую гладь. А развлекали их только капризницы бури, вызывая тошноту и покрывая палубу морскими коньками. Твердая земля не повредила бы сейчас никому.

Потому-то Тибо и решил непременно причалить в Кириоле.

Адмирал Дорек не одобрял его идеи. Кириоль – остров соблазнительный, но очень опасный. Конечно, там растут сочные манго, прохожих на улицах развлекают певцы и фокусники, а от пестрых вывесок глаз не оторвешь... Но сколько там кривых переулков, воров и контрабандистов! Хвалить Кириоль можно только в насмешку, а у адмирала плоховато с чувством юмора.

Как раз незадолго до бури Дорек играл с Тибо в шахматы. Они всегда играли по средам: король Альберик заботился, чтобы у сына голова оставалась на плечах. Адмирал играл плохо, а когда проигрывал, сердился. Но на этот раз ему было не до шахмат: он думал только о предстоящей остановке в Кириоле, и настроение у него заранее испортилось.

– Нужно будет кого-то оставить на судне, – то и дело повторял он. – Я видел не раз, как обчищали суда в Кириоле. Кто-то должен охранять «Изабеллу».

– Смотрите на доску, адмирал! Ваш ход.

– Кто-то должен присмотреть за фок-мачтой, ваше высочество, – продолжал Дорек, рассеянно передвигая пешку. – За марселями, стакселем, гротом, гафелем...

– Одним словом, за парусами.

– Да, ваше высочество, за парусами. А еще за вантами, фалами, шкотами...

– Иначе говоря, за снастями.

– Именно, принц. За такелажем, за тем, чем мы пользуемся, ставя паруса.

– Мне известно, что такое такелаж, адмирал.

– Не сомневаюсь, ваше высочество. Так вот, я подумал и решил: на борту останусь я сам.

– Жаль, – сказал Тибо, улыбнувшись про себя. – Значит, за мной какой-нибудь подарок.

А пока шах и мат, адмирал.

Тибо принесет Дореку из Кириоля множество подарков. Беды адмирала только начинались.

2

День выдался тяжелый, так что Тибо не успел раздеться, не успел даже сапог снять, как провалился в сон. Глубокий, свинцовый сон. Спящий Тибо – да и бодрствующий тоже – был похож на свою мать, кружевницу Элоизу, обожаемую жену короля Альберика: тот же широкий лоб, светлые брови и ресницы, черты не совсем правильные, но приятные, выражение лица доброе и открытое. Королева Элоиза умерла, когда Тибо был еще ребенком. После ее смерти король Альберик не оправился.

Отец подарил принцу «Изабеллу» на пятнадцатилетие, потому что почувствовал: сыну тесно в их маленьком королевстве. И вот на протяжении нескольких лет красивое трехмачтовое судно из белого дуба появлялось в гавани Краеугольного Камня лишь для того, чтобы вскоре уплыть. Море стало принцу наставником и другом. День за днем оно меняло его, как дождь, капля за каплей, обтачивает скалу. Тибо знал: он не сможет больше свободно гулять по свету, как только на его голову возложат корону. Тогда его временем станет распоряжаться народ, суровые обитатели суровой земли, на которой каждый съедобный корень означал победу над камнями и ветром. Он будет принадлежать своему острову, колыбели замечательных художников-ювелиров, острову, который из поколения в поколение повторял удивительный подвиг: хранил миролюбие в воюющем мире.

Вот Тибо и пользовался юностью, странствуя по белому свету. Однако у него была и другая причина бежать из дома. Он никому не говорил, что во дворце ему не по себе. Смутно предчувствовал, что равновесие, хранимое столько веков, вот-вот рухнет. Тибо снедала странная тревога. Он не понимал ее причин, да, если честно, и не хотел понимать. Не хотел говорить о ней, не хотел думать и уплывал с каждым годом все дальше от родного дома. На этот раз он отправился в тропики под предлогом уточнения карт и изучения геологии южных гор. Это было самое дальнее, самое дерзкое его путешествие. И последнее. Но об этом он пока не знал.

На следующее утро после бури Тибо проснулся рано с мыслью о Кириоле. Отяжелевшие веки разлеплялись с трудом, но внезапно он увидел нечто такое, отчего глаза распахнулись и он чуть не свалился с постели. Вокруг все светилось удивительным неземным светом. Лампа, сундук из кедра, шляпки гвоздей на двери, лупа, кожаное ведро, пуговицы на плаще, висящем на крючке, сам крючок. Все обрело хрустальную прозрачность, все сияло. Крылья, вырезанные на стеновых панелях, трепетали, готовые взлететь. Тибо в жизни не видел ничего прекраснее. И был счастлив. Безмерно. До боли.

Тибо приподнялся на локте, вытянул шею. Миг, и чудо исчезло. Все стало таким, как обычно, – удобным, непрозрачным, обыкновенным. Мебель прикручена к полу. Крылья на дубовых панелях неподвижны. Потертые подушки. Лак потускнел там, где он ставил на стол локти. На плаще масляные пятна. Низковатая для него притолока двери. Ему что, сон прикинулся? Скорее всего.

Тибо встал, старательно умылся и переоделся. Сегодня – Кириоль.

Моряки, собираясь сойти на берег, наводили лоск, надевали кители – что-что, а парадную форму они всегда берегли в чистоте, – кое-кто даже успел заглянуть в лазарет к судовому доктору, который заодно исполнял обязанности цирюльника, хотя стрижки ему редко удавались. Но неважно, стали они красавцами или нет, зато все, ступив на землю, почувствовали себя счастливыми.

Моряки простились с портом, поднялись лабиринтом узких улочек с ярко-желтыми домами и вышли на просторную площадь. Как аппетитно тут пахло жареным мясом, свежим хлебом, карамелью! Платаны, что тянули корни между булыжниками, были украшены цветными фонариками. А какая пестрая, веселая толпа вокруг! Кого только не встретишь – жон-

глеры, кукольники, торговцы побрякушками, гадалки – все зазывали, все предлагали свои услуги.

Моряки решили не по-детски отпраздновать день рождения салаги-юнги, который прибавил себе годков, лишь бы его взяли на шхуну. За худобу паренька прозвали Щепка. В этот день ему исполнилось тринадцать, так что его пребывание на судне стало вполне законным. Тибо не был уверен, что веселье не закончится дракой, и предпочел компанию кока, судового врача и двух штурманов, Феликса и Бушприта.

Феликс и Бушприт были братьями, но трудно найти на свете двух настолько непохожих людей. Профессия штурмана в их семье передавалась от отца к сыну. Бушприт (имя для корабельщика не случайное) был маленьким, мускулистым, кривоногим и отчаянно азартным. Феликс был выше брата на три головы. Здоровенный верзила отличался от всей команды тем, что был необыкновенным чистюлей, менял каждый день рубашку, вел себя деликатно и любил красоту. Честное слово, можно было подумать, что в парне-великане спряталась нежная девица. Этим утром Феликс мечтал уговорить товарищей пойти полюбоваться экзотическими украшениями, но, конечно, не решился. Бушприт и так затыкал его, стоило ему открыть рот.

Кок еще на шхуне прожужжал им все уши, расхваливая знаменитое рагу Кириоля, так что они направлялись в таверну. А пока купили себе крупного сладкого винограда, несли грозди в руках, и руки у них тоже стали липкими и сладкими.

Путь лежал мимо столиков писцов.

– Ах, что за чудо волосы! – Феликс залюбовался девушкой-писцом с пальчиками, испачканными чернилами, которые прилежно писали под диктовку пожилой дамы.

За соседним столиком работал толстяк с маленькой зеленой обезьянкой на плече. Громкими замечаниями он совсем заморочил клиента. Посреди фразы толстяк щелкнул языком, обезьянка мигом соскочила с его плеча и нырнула под стол, собираясь стащить кошелек простофили.

Воровство! Тибо не терпел воров.

Принц уронил большую зеленую виноградину прямо перед носом обезьянки. Она не устояла, схватила и бросилась догонять следующую, покотившуюся по мостовой. Хозяин кричал, звал ее назад, но Тибо кидал виноградину за виноградиной и уводил обезьянку все дальше. Вся кисть досталась обезьянке. Писец вскочил на ноги, уронив стул.

– Эй ты! Белобрысый! – завопил он на местном наречии.

Принц его словно не услышал, толкнул дверь таверны и вошел внутрь. Его товарищи заказали себе огромные порции рагу, а Тибо заинтересовался азартной карточной игрой, которая шла неподалеку от стойки. И вдруг заметил, как один из игроков достал из рукава трефового туза.

Шулер! Тибо не терпел шулеров.

Не раздумывая, он толкнул доктора, и тот вылил на стол миску горячего рагу. Обрызганные соусом игроки повскакали с мест. Принц, врач и штурманы в тот же миг выбежали из таверны. Кок не собирался расставаться с рагу, но понял, что промедление смерти подобно, и тоже выскочил за дверь, чуть не плача от огорчения.

День и дальше был полон таких же сюрпризов. Конечно, были вокруг жонглеры и фокусники, бил фонтан из шоколада, летали райские птицы, но на глаза Тибо постоянно попадались воры, шулеры и лжецы. И он то и дело вмешивался в чужие дела, потому что не мог иначе. Мало-помалу жители города, где мошенничество – главное ремесло, стали косо смотреть на принца. А товарищи Тибо с тревогой поглядывали по сторонам, понимая, что им хочется поскорее вернуться на шхуну. Тут принц ввязался в уличную драку, и терпению Феликса пришел конец.

– При всем уважении, ваше высочество! – сказал он, схватил Тибо в охапку и помчался к порту, слыша за спиной злобные крики. Противники объединились и бросились в погоню. Врач, облитый жирным соусом, пострадал еще и от обстрела помидорами.

Феликс доставил на «Изабеллу» Тибо, а его товарищи быстро бежали площадь и собрали остальных моряков. На судно команда вернулась гораздо раньше, чем предполагалось. На «Изабелле» еще продолжалась погрузка.

Тибо отправился в кубрик – он примыкал к его каюте, – здесь происходили все совещания и личные беседы. Крайне раздосадованный, принц опустил на красивый, но очень неудобный стул черного дерева. В последние полтора года тот помогал ему принимать все важные решения.

Не прошло и пяти минут, как появился адмирал Дорек.

– Вы рано вернулись, ваше высочество. И тяжело дышите, – заметил он, переступая через порог.

– Кириоль – непростой остров. Есть парадная сторона, и есть изнанка.

– Кириоль – дурной остров, принц. И точка. Полная противоположность Краеугольному Камню.

Тибо уперся локтями в длинный стол, на котором были разложены карты и навигационные приборы.

– У Краеугольного Камня своя беда, – вздохнул он.

Тибо намекнул на великое табу: тайну острова знали все, но разгадать ее не мог никто.

Адмирал промолчал, подошел к барометру на стене, постучал по нему, словно торопил неловкую минуту.

– Поднимаем якорь, – сказал Тибо.

– Сейчас? Но это невозможно, принц. – Дорек уселся на табурет. – Мы еще не обновили запас питьевой воды. И ветра нет. Совсем. Ни на мушиный вздох, ни на блошиный пых, ни на комариный чих.

В приоткрытую дверь сунулась седая голова Гийома Лебеля, первого помощника.

– Все по местам. Поднимаем якорь.

– Но... – хотел возразить адмирал.

– Принц взбаламутил весь город, – прибавил Гийом и махнул рукой в сторону набережной.

Адмирал подошел к окну, дробившему любой вид на маленькие ромбики, и увидел на набережной разъяренную толпу, числом сильно превышавшую его экипаж. Он ринулся на капитанский мостик, собираясь отдать команду, но понял, что приказ уже отдан первым помощником – паруса подняты, и сходни, что соединяли шхуну с пристанью, убраны как нельзя вовремя.

Отплывали с большой поспешностью. Баталёр Овид, который ничего не выпускал из рук, не завязав покрепче, метался, твердя, что не упаковал как следует припасы в трюме, что не распределил правильно балласт. Жаловался, что мало пресной воды, что придется снова довольствоваться остатками, которые давным-давно протухли.

Матросы позволили себе выпить лишнего. Они шатаясь переходили с левого борта на правый, распевали песни фальшивыми голосами и бестолково дергали снасти. Люки, через которые перегружали товары с главной палубы в трюм, стояли незадраенными, и один матрос свалился туда и сломал руку. Шхуне приходилось лавировать, ловя ветер, которого не было. Она двигалась зигзагами, словно тоже опьянела.

К полуночи «Изабелла» выровнялась. Матросы, кто потрезвей, встали на ночную вахту, а пьяные спустились в кубрик и повалились спать на полу, не дав себе труда развесить гамаки и положить под голову одежду вместо подушки.

Никто не заметил, что на судно тайком пробрался пассажир.

3

На следующее утро Тибо был очень рано разбужен стуком в дверь. Твердые, короткие, уверенные удары. Не иначе адмирал.

И действительно, вошел адмирал.

– Ваше высочество, э-э-э... – запинаясь, заговорил смущенный Дорек. – У нас, видите ли, некоторая неурядица...

– Что значит неурядица?

– Некая нежелательная персона, принц, просочилась на наше судно.

Адмирал, вопреки обычной манере смотреть принцу прямо в глаза, старательно изучал потолок.

– Нежелательная персона? Конкретнее, Дорек. К нам пожаловала смерть? Чума? Блоха? Нечистая сила?

– Женщина, ваше высочество.

– Что?!

– Сначала я принял ее за мальчишку, но... Да, мой принц! Это женщина. И она темнокожая.

Дорек по-прежнему внимательно рассматривал потолок. Тибо почесал подбородок.

– Черт побери! Как же она пробралась на борт?

– Полагаю, сначала вплавь, а затем вскарабкалась по канату, который... Да, спустился в воду.

– Канат? Спустился?! Сам, что ли? Смотрите мне в глаза, Дорек! Кто допустил такое?

– Если бы я знал, ваше высочество! – вздохнул адмирал, поглядев на Тибо лишь секунду. – Мы были заняты погрузкой...

– Ладно, хорошо.

– Не понял, ваше высочество.

– Говорю, хорошо. Что ей надо?

– Не говорит. Не понимает нашего языка, принц. Но вот что мы обнаружили.

Адмирал не без брезгливости передал Тибо засаленный замшевый кошель. В нем лежали монеты трех королевств, в том числе острова Кириоля, и медальон с изображением маленькой девочки.

– Приведите ее ко мне, – распорядился Тибо.

Дорек впустил в каюту юную девушку, мулатку с короткими курчавыми волосами и зелеными глазами. Она была в мужской одежде, совершенно мокрой, болтавшейся на ней, словно на вешалке. В отличие от адмирала, она без смущения глядела принцу в глаза, пока он рассматривал ее. Лицо круглое, лоб высокий, взгляд недоверчивый, но прямой. Она смотрела на Тибо, будто все про него уже знала, и он отвел глаза.

– Как тебя зовут?

– Меня зовут Эма Беатрис Эхея Казареи, – с достоинством ответила девушка.

Тибо искоса взглянул на адмирала, тот сердито поджал губы. Факт, что девушка внезапно заговорила на их северном наречии, его не порадовал.

– Не могу определить акцент, – заметил Тибо. – Откуда ты родом?

– Я знаю семь языков, на трех говорю свободно, на четырех не очень.

– Ты не ответила на мой вопрос.

– Не ответила.

Тибо не стал настаивать. Он считал, что желание откровенно поговорить рано или поздно приходит само собой. Так он считал, потому что был честным, откровенным человеком и вырос в справедливом королевстве.

– Что тебе понадобилось на нашем судне?

– Работа.

– Ты уже выходила в море?

Адмирал вмешался в разговор:

– Принц! Надеюсь, вы не думаете сделать из нее матроса? Вспомните, что...

– Я сообразительная, хватаю все на лету, – прервала его девушка.

– Верю, – улыбнулся Тибо, тогда как Дорек сердито насупился. – Что тебе грозит? От чего сбежала?

– Сбежала из города, где сытно едят только мошенники.

– Так. А кто тебе сказал, что мы не мошенники?

– Обезьянка сказала. История с рагу.

– Говоришь, обезьянка... – Тибо замолчал, а потом попросил: – Покажи руки.

Девушка протянула руки – ладони она ободрала, когда лезла по канату, а пальцы были в чернилах.

– Знакомое лицо... Где я мог ее видеть? – пробормотал Тибо себе под нос.

Без пышных вьющихся волос, которые так понравились Феликсу, девушку-писца узнать было нелегко. После долгой-предолгой паузы Тибо сказал:

– Адмирал Дорек передаст тебя своему помощнику Гийому Лебелю, тот распорядится.

– Ваше высочество, возражаю! – чуть не закричал адмирал.

Глаза у него бегали, он был в ужасе и заранее пытался придумать, как скрыть позорную историю от короля Альберика.

– Почему?

– Ваше высочество, мы не можем оставить у себя эту... казарку! Вы прекрасно знаете, как моряки суеверны! Женщина на корабле – к беде! Женщины приносят беду!

– Из суеверия моряки отрачивают бороды до земли и покупают амулеты дороже золота. По-вашему, это им помогает?

– Помогает, не помогает, но, если хочешь управлять судном, люди должны быть довольны.

– Значит, она у нас будет мальчиком.

– Мальчиком! Легко сказать, ваше высочество!

Ох как не хотелось адмиралу Дореку подчиняться капризу принца! Тибо уже не раз впутывал его в неприятности. Адмирал терпел принца, но представить его королем не мог. Тем не менее Тибо и на этот раз сумел настоять на своем.

– Рассмотрим все возможные варианты, адмирал! – предложил он. – Мы можем вернуться в Кириоль. Но там нас ожидает расправа. Можем бросить эту, как вы пренебрежительно называете ее, казарку, в море. Но лично я предпочел бы оставить ее до поры до времени на шхуне.

Адмирал промолчал. Он опять заинтересовался потолком. Из всех неприятностей, какие ему преподносил принц, эта, вероятно, не худшая. Тибо повернулся к девушке, которая слушала их разговор с невозмутимым видом и неподвижным взглядом.

– Сможешь исполнять работу юнги?

– Смогу.

– Значит, договорились. Передайте ее на попечение вашего помощника, адмирал. Дайте ей сухую одежду и найдите гамак. Столоваться будет со всеми. Пусть напишет свои инициалы на кружке и миске. Вместо сундучка для вещей можно выдать ей бочонок. Главное, подберите ей работу. В общем, пусть будет юнгой.

– Но...

– Дышите глубже, Дорек. И намекните команде: если кто-то обидит новичка, пусть пеняет на себя.

Не прошло и получаса, как девушка превратилась в худенького смуглого паренька. Она плотно замотала себе грудь и надела матросскую робу – штаны до щиколоток, подвязанные на поясе веревкой, застиранную рубаху с завязками и линялую косынку на голову от пекущего солнца. На ветру одежда полоскалась на ней, как слабо натянутый парус.

Против всех ожиданий морской болезнью она не страдала. Легко, как белка, лазила по веревочным лестницам на мачты. Штурман Бушприт отправил ее даже на смотровую площадку на грот-мачте, и она оттуда долго всматривалась в горизонт. Потом вздохнула с облегчением: остров Кириоль исчез.

Новичок внимательно выслушивал наставления, кивал и тщательно, как примерный ученик, выполнял задания. Движения его отличались точностью и мягкой грацией. Перед новичком все задирали носы, каждый на свой лад, и даже матросы разговаривали с ним небрежно и свысока. Дорек не выходил из каюты, ссылаясь на головную боль. Он сердился.

Вечером Тибо мерил шагами кубрик: он был озабочен. Адмирал знал, что говорил: Тибо поступил рискованно, взяв на борт пассажирку. Даже у штурмана Феликса были трудности, прежде чем моряки его признали... Поначалу они насмеялись над верзилой: «Эй, барышня! – кричали ему. – Смотри, не запачкай ручки!» Но в один прекрасный день случилось вот что: матросы на шлюпке отправились в речную заводь, юнга Щепка протянул руку к черепахе, а это оказался крокодил, и Феликс задушил зверюгу голыми руками, иначе крокодил отхватил бы юнге руку. Вот тогда команда восхитилась штурманом, потрясенная его удалью. А Щепка полюбил его без памяти. Больше никто не смеялся над браслетом из ракушек, яркими галстуками и витиеватой подписью на кружке.

Сообразительности и ловкости мулатке было не занимать, но Тибо плохо представлял ее в схватке с крокодилом. Она не взвалит себе на плечо бочонок, как Феликс, не разорвет руками канат и не выгащит за шиворот двух пьяных матросов из таверны, чтобы доставить их на шхуну... Скормить ее акулам Тибо, конечно, не мог, но он высадит ее на ближайшей остановке, в Сириезе. Никто не пробирается тайком на судно из желания совершить морскую прогулку, появление девушки на борту означало, что она в безвыходном положении. Нуждается в помощи.

Принц долго вертел в руках медальон. Закрывал и открывал снова. Всматривался в упрямое лицо девочки. Но, собственно, почему личные вещи беглянки до сих пор у него? Принц распорядился, чтобы юнгу прислали к нему.

Девушка появилась сияющая, словно отдыхала летним днем в деревне.

– Вы хотели меня видеть, ваше высочество? – спросила она с низким поклоном.

У нее хорошие манеры, без сомнения, она где-то училась.

– Хочу вернуть тебе вещи.

Тибо заинтриговала странная девушка, он охотно пригласил бы ее присесть, но сидеть в кубрике имели право только принц, адмирал и его помощник. С Эмой принц говорил через длинный стол.

– Могу я узнать, кто эта девочка на портрете?

– Моя сестра, ваше высочество. Младшая сестра. Родители у нас умерли, мы остались вдвоем.

– Из какого вы королевства?

Эма взгляделась в лицо принца. Приятные черты лица, располагающая улыбка, в голубых глазах веселые искорки, а в глубине затаилась грусть. Внешность говорила в его пользу, но Эма не доверялась первым встречным.

– Я жила в Кириоле, как вам известно.

– Ты не ответила на мой вопрос.

– Не ответила.

– Хорошо, как хочешь. А где твоя сестра?

- Ее похитили. Неизвестные люди похитили ее и увезли на север.
- Мы тоже держим путь на север. Ты это знаешь?

Шхуна возвращалась домой, в Королевство Краугольного Камня, которое лежало в северной стороне, но принц намеревался как можно дальше держаться вдали от берега, чтобы избежать докучной обязанности наносить визиты государям северных стран. Принц Тибо терпеть не мог светских приемов. Однако четыре остановки он должен был сделать обязательно: в Сириезе, Ламоте, Негодии и Бержераке – королевствах, расположенных одно за другим вдоль побережья, словно жемчужины в ожерелье. Он проплыл мимо них в прошлый раз, и рассерженный король-отец чуть было не отправил его обратно.

– В северных странах смуглые люди – редкость. Если похитители пересекли экватор, кто знает, может, мы отыщем след твоей сестры...

- Я живу надеждой, ваше высочество.

Тибо обрадовался: визиты из скучных и формальных превращались в полезные и интересные. Он воспользуется возможностью и поговорит со сведущими людьми. В гостинных повеет духом приключений. Ему все больше нравилась мысль начать поиски.

- Стало быть, на север, – повторил он. – А других сведений нет? Каких-нибудь деталей?
- Они говорили на вашем языке, ваше высочество.
- Так. Уже кое-что.
- У них было очень красивое судно.

– Красивое судно? Значит, исключаем внутренние земли. И Королевство Грев тоже – их суда топят все кому не лень.

Тибо разложил большую морскую карту и принялся ее изучать. Глубоко задумавшись, он привычно тер подбородок. Не подумайте дурного, принц всегда умывался и брился!

- Что еще?
- Больше ничего, ваше высочество.
- Ты уверена, что они пересекли экватор?
- Да, ваше высочество.

Эма с поклоном приложила руку к сердцу, хотя принц и так ей поверил. Из широкого рукава показалась смуглая рука вся в синяках. Тибо открыл рот, чтобы задать следующий вопрос, но не решился.

- До северных земель долгий путь, – заметил он. – Месяца два, а то и больше.
- Я знаю, ваше высочество. Я буду работать, не жалея сил, и это станет моей платой.
- Хорошо, иди. Отдохни как следует.

Эма поклонилась и вышла. Пока глаза принца смотрели на закрывшуюся дверь, перед внутренним взором неизвестно почему вновь переливался прозрачный хрусталь. Тибо долго не мог уснуть.

4

«Изабелла» – вселенная, где у всех свое место: у каждого шкива, каждой кружки и миски. Матросы слушались боцмана, боцман – капитана, капитан – адмирала. Адмирал слушался волн и ветра. И все одинаково забыли, что такое уют. Потолки низкие, мачты высокие, гамаки влажные. С блохами шла непримиримая война, но на победу никто не рассчитывал. На нижней палубе воняло рыбой, водорослями и потом. В жару все плавилось, в холод замерзло. Ясное небо улыбалось в ожидании бури. Жизнь суровая, утомительная и опасная.

Но моряков она устраивала. Они любили «Изабеллу», как любят старую, удобную, надежную обувь с успокоительным запахом плесени. Они знали, как на ней двигаться, когда говорить, а когда молчать. А еще они преклонялись перед морем – его мощью, простором, глубиной. Оно кормило их, раскрывало неоглядные горизонты и пугало до смертного пота. Оно было настоящим, не воображаемым божеством.

Да, моряки любили море, но что делать с жарким тропическим днем, который тянется бесконечно?.. Они убивали время игрой в карты или кости, сидя полуголыми на палубе. Фельдшер Лукас иногда играл на гитаре. Однако благорастворение длилось недолго: посиделки по разным причинам, а на самом деле от скуки всегда заканчивались перебранкой.

– Заткнись, кривая рожа!

– Это ты мне? Мне, что ли, урод?

– От уroda слышу!

– Помолчал бы, идиот поганый.

– Сам ты поганый идиот!

Появился принц и хлопнул в ладоши.

– Всем встать! Стройся!

Матросы знали, что их ждет. Урок боевых искусств. Принц Тибо решил так бороться со скукой и томлением жарких летних часов. Познания он почерпнул из китайского учебника, купленного на базаре, и, надо сказать, освоил его неплохо. Матросы построились, и Тибо каждому по очереди стал показывать приемы.

Когда он только начинал заниматься с ними, они валились на палубу сразу, как только принц к ним прикасался.

– Эй, напряги мускулы! Ты же не червяк!

– Я-то не червяк, ваше высочество, но вы-то принц, и мы не знаем, что делать, – вздохнул баталёр.

– Можем кулаком в челюсть или никак, – поддержал его кок. – Скажите сами, что лучше?

– Считаю, червяком лучше, – сказал марсовой².

– Ничего-то вы не поняли, – вздохнул Тибо.

– Принц вам говорит, что силу противника нужно обернуть против него же, – вступил в разговор Гийом Лебель. – Не силой действовать, а хитростью, приемом. Приемы и есть боевое искусство. Не хотите заниматься искусством – будем драить палубу. Чем палуба хуже боевых искусств?

Понемногу матросы увлеклись китайской борьбой. Стали заключать пари, кто первым положит принца на лопатки. Фаворитов было двое – Феликс, победитель крокодила, и баталёр Овид, толстый, как бочки в трюме. Но на деле единственным достойным противником Тибо стал Гийом Лебель, несмотря на неприметную фигуру. Однако Гийом никогда не стал бы класть принца на лопатки, он достойно с ним боролся, но победу принципиально уступал.

² На парусных судах матросы, которые во время управления парусами находятся на мачтах.

А вот адмирал Дорек презирал боевые искусства, пари, карты и кости. Он мечтал о матросах, которые были бы преданы душой и телом только поддержанию порядка на шхуне. А все потому, что боялся северных вод для своей немолодой «Изабеллы». Врагом номер один для адмирала был износ: подвижные детали шхуны изнашиваются, потому что постоянно трутся друг о друга; морская соль разъедает металл; солнце жжет паруса, они рвутся, края темнеют, швы расплзаются; канаты перетираются и гниют, рыболовные сети продираются; мачта может треснуть и расколоться; корпус, пусть даже из дуба, который не гниет, все равно трухлявеет. Жуть.

Адмирал мечтал о матросах, которые целыми днями шьют, трут, красят, лакируют, конопатят. Счастлив он бывал, только находя крысиный помет в трюме – неопровержимое доказательство, что течи нет.

– Вот оно как, – говорил он, – на дырявой посудине крысам приходится выбираться на палубу, а у нас не так. Нашим и в трюме не на что пожаловаться.

Юнга Эма за разными работами перезнакомилась со всей командой. Сначала она чистила картошку вместе со Щепкой. Потом Феликс научил ее чинить сети и паруса (сам он обожал шитье). И Эма целый день штопала и ставила заплаты, пришивая их суровой прочной ниткой. Затем ее посвятили в искусство конопачения, тоже требующее немалого терпения, а состояло оно в том, что щели затыкали пенькой, а потом заливали смолой. Парни убедили адмирала не посылать Эму в прачечную, опасались обидеть черной работой. Но обиделся портомой, и в результате Эма несколько дней подряд стирала матросские штаны. Баталёр Овид приобщил ее к вязанию морских узлов, повторяя при любом удобном случае: «Хороший узел – красивый узел». Сам Овид был хороший, но не красивый: набросок на скорую руку, а не портрет.

В общем, незаконная пассажирка «Изабеллы» принимала участие в любых делах, кроме занятий боевым искусством. Как только Эма слышала «Стройся!», она исчезала в каком-нибудь дальнем углу. Эма не терпела прикосновений. Если Овид протягивал руку, желая помочь справиться с узлом, она мгновенно отдергивала свою. Если ведро, канат или веревка задевали ее, она отпрыгивала в сторону. Когда Щепка потащил ее за руку смотреть кита, она отпихнула его локтем в бок. И все в скором времени усвоили: с диким зверьком нужно сохранять дистанцию.

Тибо тоже наблюдал за Эмой издали. Он отдал распоряжение адмиралу, адмирал отдал распоряжение капитану, а капитан объявил команде, что юнге запрещается лазать по мачтам вместе с марсовыми. Что не помешало одному из марсовых проникнуться к Эме дружескими чувствами. Блондин с чувствительной кожей, марсовой защищал лицо от солнца, дождя, жары и холода – словом, от любого дуновения воздуха – свиным салом. Несмотря на сало, кожа все равно шелушилась, отслаивалась лоскутами, падала на одежду и в суп, поэтому товарищи прозвали его Проказой. Проказа потчевал Эму сливами, печеньем и дружескими советами.

«Не давай воли баталёру и его длинным рукам», – говорил он.

Или: «Осторожнее с фельдшером и его гитарой. Держись подальше от романтиков!»

И еще: «Не питай иллюзий насчет принца. На вид он, может, и симпатяга, но оставил тебя на шхуне неспроста».

А если коротко: «Держи ухо востро!»

Хоть и с чесоткой, но Проказа казался славным парнем и, в отличие от всех остальных, относился к юнге как к девушке, а не как к «своему парню». Но Эме не нужны были его пропахшие чесноком советы, она и без них никому не доверяла.

Эма любила ночное время. Все становилось синим: матросы, шхуна, голые ноги, море, небо. Вахтенные, сменяясь, тихо переговаривались. Марсовые дремали среди парусов. Луна высвечивала в облаках горы и долины, а ее серебряные отблески плясали на воде вместе с лучами света из трех кают – той, где сидел, задумавшись, принц Тибо, той, где адмирал насла-

ждался миндальным печеньем, и той, где первый помощник, устроив страшный беспорядок, разыскивал чернильницу.

Эма обычно спала не в кубрике, в гамаке, а наверху, на свежем воздухе, устраиваясь на полуяте, на корме, куда не доносились запахи с нижней палубы и храп. В дождь она пряталась на баке, на носу. Сворачивалась, как котенок, в большой корзине с канатами, которая стояла среди ящиков с инструментами, скрученного парусного полотна, ведер и гарпунов.

Дождь шел нечасто, но тропическая безмятежность в одну секунду сменялась ливнем. Он обрушивался внезапно и так же внезапно прекращался. Однако в тот день небеса заранее насторожили команду: серые тяжелые слоны-тучи медленно собрались на западе. Вода потемнела, заволновалась и все сильнее толкала шхуну в бок.

– Сейчас ка-а-ак даст! – пообещал Проказа, и на этот раз Эма не усомнилась в его правоте.

Четверть часа спустя фок-мачта треснула, а кока вывернуло в любимую кастрюлю. Бушприт привязал себя к подпорке, чтобы устоять у штурвала. Одна волна вздымала шхуну под небеса, другая швыряла в бездну, и надежды избавиться от сумасшедшей пляски не было. Остов судна трещал, лампы разбивались о переборки. Полярная лисичка на носу покрылась белой пеной. Вспышки молний освещали залитые водой палубы, спутанные снасти, молчаливых моряков.

Страх, но и привычка к страху. Отработанные движения, обостренное чутье. Не прикладывая лишних усилий, выжидай, крепко сожми амулет, твори молитву. Матросы пытались дремать на мокрых досках нижней палубы, крепко держались друг за друга, боясь, как бы их не смыло. Горстка людей во власти безумца-океана, вцепившаяся в судно, единственное прибежище.

Три ночи, три дня. А на четвертый «Изабелла» застыла при полном штиле под палящим солнцем и голубым небом. Вот теперь Гийом Лебель беспрепятственно сморкался и кашлял, Тибо переменял одежду, Овид проверил бочки с припасами, а Дорек проклинал тропики за погоду, «коварную, как кириольцы».

Штурман Бушприт постарался определить время по солнцу. Точное время нужно, чтобы выяснить долготу и широту, но его часы, похоже, смыло. Пострадали даже песочные: двое разбились, третьи куда-то закатились. Пришлось Бушприту довольствоваться приблизительными данными.

– Мы отовсюду далеко, – объявил он.

Адмирал Дорек только открыл рот, чтобы обругать его покрепче, как марсовой по имени Марселин, пристроившийся на свернутом парусе на мачте, заметил что-то вдалеке. Приложил ко лбу руку козырьком, взгляделся в сверкающую гладь и крикнул:

– В поле зрения судно!

– Судно в поле зрения. Что будем делать, адмирал? – спросил Тибо.

– Что делать, принц? Да ничего! Не шевельнем ни рукой, ни пальцем!

– Нас, кажется, занесло во владения пиратов, – вмешался в разговор баталёр, выжимавший на себе штаны.

– Владения пиратов? – вскипел адмирал. – Да что ты в этом понимаешь, черт возьми! – После шторма он срывал раздражение на любом, кто подвернется. – Может, скажешь заодно, куда плывет эта посудина? И наши координаты, раз уж ты все знаешь! Не вредно бы и нам их узнать! Да! Не вредно!

– Господин адмирал, о пиратах мне сказал кок!

– Кок! – Дорек чуть не задохнулся от возмущения. – А он-то откуда знает? Значит, кок знает наши координаты! Не вредно, не вредно...

– Порядок, адмирал, успокойтесь, – прервал его принц. – Если присмотреться к судну, то понятно, что оно направляется прямо к нам.

Адмирал поднес к глазам подозрную трубу. Увиденное крайне встревожило его: паруса в лохмотьях, носовая фигура без головы. Ни единого признака жизни. Не сводя глаз с парусника, он передал подозрную трубу Проказе, думая, что передает ее принцу.

– Ну, что скажете, принц?

– Скажу, что это корабль-призрак, черт его дери! Ну и видок! Это его так пираты отделили?

– Понятия не имею, – сухо обронил адмирал и отобрал у Проказы трубу. – Ясно одно: парусник на якоре. И это мы движемся напрямик к нему.

– А команда? Куда девалась команда? – спросил Проказа.

– Хм-м, – выдавил адмирал. – Если штиль не выманил всех на палубу, значит... на борту никого.

– Или все мертвы, – сказал принц.

Стоило только ему произнести это, как парусник развернуло к ним другим боком. Ужас! На вантах висел полуистлевший мертвец со скрещенными руками, облитый чем-то вроде черной смолы. Желтел только отмытый штормами зубастый череп.

– Ой-ё-ё! – простонал Овид и кинулся на нижнюю палубу, а потом и вовсе нырнул в трюм.

– Что это с нашим баталёром? – удивился один из матросов.

– Призраков боится, – объяснил Проказа, который иной раз от скуки пугал ими толстяка.

– Зрелище не для слабонервных, – признал принц. – Но что все это значит?

– Это предупреждение, ваше высочество, – сказала юнга Эма.

Все повернулись к ней.

– Чума, – уточнила она.

– Чума? – переспросил Гийом.

– Желтая чума, – объяснила Эма. – Покойников опускают в смолу, чтобы зараза не передавалась. Я это видела собственными глазами.

– Давно?! – встревоженно закричал Дорек, не сомневаясь, что под одеждой Эма вся покрыта бубонами.

– У меня еще молочные зубы не выпали, господин адмирал. Страшная картина. Смолой мазали и больных еще до того, как они умирали.

– Думаю, у вас лечили смолой от любой болезни, – насмешливо предположил врач. – И готов пари держать, любого вывешивали потом на пригорке по варварскому обычаю...

Доктор был человеком желчным и вспыльчивым. Звали его Мариус, но матросы прозвали его Микроб. Он был длинный, тощий, сутулый, с лягушачьим безгубым ртом и черными кругами около глаз. Очки судовой врач носил на шее и вздевал на крючковатый нос только в случае необходимости. Народная медицина возмущала его до крайности, он и слышать о ней не хотел.

– Успокойся, Микроб, – подал голос его помощник, фельдшер Лукас. – Покойника вывешивают, когда нет никакой надежды. Предупреждают другие суда об опасности. Сказано же тебе, это предупреждение.

Пока они беседовали, «Изабелла» по воле морских течений подходила все ближе и ближе к зараженному чумой паруснику.

– Что будем делать, адмирал? – снова спросил принц Тибо.

– Подумаем, принц. Можем бросить якорь, чтобы не приближаться. А можем начать лавировать и постараться отойти подальше.

Адмирал послунил палец и поднял его к лазурному небу.

– Увы! Ветра нет! Ни на мушиный вздох, ни на блошиный пых, ни на комариный чих.

– Хотя адмирал и лих! – раздался голос.

Команда грохнула. Дорек развернулся на каблуках. Но как узнаешь, кто крикнул? Он грозно нахмурился, а принц Тибо закусил губу, чтобы не расхохотаться.

– Адмирал, – сказал он, – я не думаю, что стоит бросать якорь перед этой плавающей гробницей.

– Почему бы и нет? – насмешливо бросил Проказа. – Знаете, как баталёр обрадуется!

– Лавируем! – оборвал адмирал смешки. – Лавировать! – отдал он приказ. – Помощник Гийом Лебель принимает на себя капитанские обязанности.

– Какого курса держаться? – спросил Гийом Лебель.

– Сам не соображаешь? Как можно дальше от чумы!

Легко сказать! «Изабелле» понадобилось много времени, чтобы избежать угрозы. Сначала всех задержал Бушприт: он обнаружил, что во время шторма его часы не смыло – они перекочевали в карман Проказы! Штурман накинулся на вора с кулаками. Тибо пришлось стать судьей и лишить виновного права сходить на берег во время остановок. Потом принц решил сам встать у штурвала и лавировать. Но тут в его поле зрения попала Эма, и горный свет озарил все вокруг – снасти и паруса. Светящийся ореол окружил ванты и матросов, ставших бесплотными ангелами. Шкивы заблестели так, будто они из чистого золота. Корабль-призрак превратился в хрусталь тончайшей огранки, и даже покойник со скрещенными руками казался невысказанно счастливым. Потрясенный Тибо оставил штурвал и спустился в каюту.

Дореку показалось странным внезапное исчезновение Тибо. Забрестило отдаленное прошлое: в день крещения солнечный луч нарисовал на лбу маленького принца цветок. Гости, среди которых был и адмирал, сочли это добрым предзнаменованием. Сейчас он увидел на лице принца тоже что-то вроде солнечного свечения. «Отблеск от медной ручки упал», – решил адмирал.

5

Вот уже год на «Изабелле» не сменялись времена года: лето и лето, сплошное лето. Моряки давно мечтали о зиме в своем королевстве, хотели, чтобы руки мерзли и кололи топором дрова для печки. Надоела потная одежда, просоленные гамаки. С каждым днем паруса казались более тяжелыми, канаты гнилыми. А главное, они не находили общего языка с морем. Оно измучило их коварством. Ненадежностью. Жили с ним как с неверной женой.

После встречи с кораблем-призраком дела пошли еще хуже. Тибо заперся в каюте и почти не выходил. Изредка, только из вежливости, приглашал к себе адмирала с капитаном пообедать. А ведь кто, как не он, был душой команды, оживлял однообразную жизнь причудливыми затеями? Поначалу отсутствие принца встревожило моряков, потом они всерьез заскучили. Даже Эма, хоть и появилась на шхуне совсем недавно, почувствовала: без принца все вокруг потускнело.

Что же с ним случилось? Никто не мог ответить, потому что на самом деле ни один человек на шхуне ничего не знал о принце Тибо. Он никогда не говорил о своей семье, о самом себе, о жизни во дворце. А если кто-то ненароком касался этой темы – смолкал. Принц старался, чтобы все забыли, что он принц, и, казалось, сам не придавал значения своим привилегиям (каюта, настоящая кровать и единственная на шхуне приличная пара сапог). Если он и пользовался властью, то только ради шалостей. Например, отправлялся вместе с матросами купаться гольшом в коралловые рифы, угощал всех жареной саранчой или затевал экспедицию на болото, где вились тучи комаров. В общем, сейчас никто не мог сообразить, что же делать.

Матросы, набравшись мужества, стучались по очереди к принцу в дверь, готовые даже на внеочередной урок боевого искусства. Тибо не откликался. В конце концов они его допекли, и он преподавал им урок, уложил всех на палубу, посоветовал больше тренироваться и снова, хлопнув дверью, закрылся в каюте.

Эма, наблюдавшая эту сцену, спросила у фельдшера Лукаса, единственного человека в команде, который думал, прежде чем ответить:

– И часто с вашим принцем такое?

– Впервые.

– Он к вам, кажется, добр?

– Работает с нами наравне.

– И честно платит?

– Щедро, я бы сказал. К тому же кроме денег он раздает нам всем перец, а каждая горюшинка перца на вес золота.

– А у себя в королевстве он каков?

– Трудно сказать. У себя в королевстве он, можно сказать, не бывает.

– Но он же там вырос, – настаивала Эмма.

– У него умерла мать, когда он был совсем маленьким. Говорят, что, когда король женился снова, детство у него стало безрадостным, но...

Бархатный голос Гийома Лебеля прервал рассказчика:

– Мы не говорим о том, о чем не принято говорить. Ты ведь человек молчаливый, Лукас, а сейчас меня огорчил.

Эма тоже огорчилась, но по другой причине: ей хотелось узнать больше. Она перебрала про себя все, что сама сумела подметить: Тибо охотно смеется, легко двигается, внимателен к тем, кто рядом, благожелателен и щедр. Если бы в ней сохранилась хоть капля доверчивости, она бы ему доверилась. Но в глубине его взгляда таилась тоска. А теперь им вдруг овладела страсть к одиночеству, мрачность... И что это была за демонстрация силы? И зачем так яростно хлопать дверью? Принц непредсказуем, как погода в тропиках.

Никто не видел принца Тибо много-много дней. Уединение он нарушил из-за весьма неприятного случая. К величайшему сожалению Эмы, он произошел именно с ней.

Нечто висело в воздухе. И воплотилось в реальность одной дождливой ночью, когда Эма дремала на баке. Она уже погружалась в глубокий сон, как вдруг услышала тихие осторожные шаги. Тяжелый топот был привычным, тихие шаги настораживали. Эма затаила дыхание и не двигаясь стала ждать. Чья-то рука прикоснулась к ней. Потом ладонь грубо зажала рот, другая полезла под рубашку.

Эма всегда держала при себе отбитое бутылочное горлышко с острым неровным краем, «розочку», как раз для таких гостей. Она мгновенно развернулась, и насильник вскрикнул от боли.

– Только тронь! Без глаза останешься, гад!

Матрос тут же исчез, но крик Эмы услышал Гийом Лебель, который как раз совершал обход. Он заглянул на бак – Эма, свернувшись в корзине с канатами, притворилась, что крепко спит.

На следующее утро Гийом ждал ее у себя, но понял, что жаловаться она не будет. Эма ни за что на свете не хотела привлекать к себе внимание. Однако Лебель отвечал за дисциплину на борту и не мог замалчивать подобное безобразие. Он сообщил о случившемся Тибо, тот вызвал к себе Эму.

Она появилась в кубрике с напряженным, осунувшимся лицом, проведя бессонную ночь с «розочкой» в руке.

– Слушаю тебя, юнга! Что произошло?

Вопрос прозвучал суровее, чем Тибо хотелось. В присутствии Эмы ему всегда становилось беспокойно. Она ничем не помогла ему, не пожелала отвечать.

– Я дал команде приказ. Его нарушили. За неповиновение положено наказание. Таков закон, и он всем известен.

Эма подняла голову и не произнесла ни слова. Она напряглась, словно ждала, что сейчас получит пощечину. Принц Тибо побарабанил пальцами по столу.

– Как хочешь. С сегодняшнего дня ты спишь в своем гамаке. Никаких ночевок под открытым небом на баке.

Эма сердито взглянула исподлобья, но тут же опустила глаза.

– Да скажи ты хоть слово! – попросил принц, и голос его прозвучал умоляюще, хотя этого он тоже не хотел.

Без сомнения, в команде «Изабеллы» не было никого упрямее Эмы, но она вспомнила, что судьба ее целиком и полностью в руках принца, и решила заговорить.

– На нем метка, ваше высочество.

– Метка? На ком? На виновном? Назови лучше имя!

Эма покачала головой. Она узнала обидчика, но имя хранила про себя.

– Ты стыдишься, юнга. Но ты тут ни при чем. Объясни, какая метка.

– Шрам от бутылочной «розочки».

Золотистые брови Тибо сошлись на переносице.

– От «розочки»? Ну-ну... – Он задумался, почесав подбородок. – Ладно. Этого достаточно. Можешь идти. Но и тебя я предупреждаю: с осколком будь осторожнее. Парни не сахар, но все-таки...

Через несколько минут принц собрал команду на главной палубе. Разбуженные матросы поднимались вверх, недовольно ворча. Те, кого оторвали от работы, тоже были не слишком довольны. Эма, помертвевшая от ужаса, спряталась в трюме. Однако Тибо заговорил так громко, что голос его раскатился по всем укромным уголкам шхуны.

– Я отдал приказ о новом юнге. Кто-то меня ослушался. Заметьте себе, с жалобой ко мне пришел не юнга! Виновный, шаг вперед! Немедленно.

Никто не сдвинулся с места. Матросы стояли и почесывались от укусов блох. Они до того к ним привыкли, что начинали замечать только при обстоятельствах из ряда вон. В общем, матросы стояли, почесывались и переглядывались. Гийом Лебель скрестил на груди руки. Адмирал Дорек – губы в ниточку – дал про себя клятву избавиться от казарки при первой возможности.

– Так, – сказал принц Тибо, подойдя поближе к матросам. – Выстроились, показали руки!

Принц внимательно осмотрел матросов, одного за другим. Никаких шрамов от «розочки» не обнаружил. И готов был уже отступить, как вдруг заметил царапину на виске марсового Марселина.

– Что это у тебя?

– Я... – забормотал Марселин, – ударился о рею, ваше высочество. Треснулся, можно сказать.

Рея – деревянный брус, прикрепленный к мачте горизонтально к палубе, на который крепится парус. Удариться о рею, конечно, можно.

– Значит, тебя ушибла рея?

Тибо изучил царапину, прикинул, мог ли осколок бутылки нанести такую, и решил, что мог. Значит, марсовой врет.

– Что я сказал о новом юнге, Марселин? Не обижать! И что будет тому, кто его обидит?

– Будет пенять на себя, но...

– Никаких но! За борт!

Марселин сжал покрепче амулет, который вручила ему матушка в день прощания. Она не пожалела денег, лишь бы ее сын в огне не сгорел и в воде не утонул. Но не смог скрыть дрожи, когда Тибо выдернул его из строя и потащил к фальшборту. Одной рукой принц опрокинул Марселина на ограждение, так что он наполовину повис над бездной, а второй схватил за пояс, чтобы сбросить в нее окончательно. Обычный боевой прием. В этот самый миг из толпы матросов раздался глухой голос:

– Подождите, ваше высочество! Это я! Я виноват!

Поздно. Марселин получил толчок и полетел вниз. После долгого полета ушел с плеском под воду, словно камень. Тибо обернулся.

– Кто это сказал?

Из строя, волоча ноги, вышел Проказа. Прореха у него на рубахе была защита на скорую руку. Матросы не удивились. Этот тип поменял уже не одно судно, и нигде его не жаловали. Им бы по-хорошему предупредить о нем Эму заранее, но болтунов в команде не уважали, вот все и молчали.

– Подними рубаху!

Проказа поднял. Длинная свежая царапина пересекала наискось его грудь. Да, в эту ночь он попытал счастья. Не первый день он подлавливал Эму в укромных уголках под предлогом дружеских советов, которые становились все менее дружескими. Эма не переносила прикосновений, и Проказа это знал. Но жаловаться она тоже не будет, он знал и это. Девушка на борту, как тут устоять? С девушками моряки виделись только на остановках, а из-за часов Бушприта он и такой возможности лишился. Будь проклят Бушприт! И Тибо тоже! Дурацкие часы! Проказа попытал счастья. А теперь Марселин наказан вместо него... С одной стороны, здорово, но с другой – рано или поздно правда выйдет наружу. За Проказой числились и другие грешки, так что за свою жизнь он не дал бы и медного гроша.

– Грязный гальюнщик! – обругал его Тибо.

Гальюном называют выступ на верхней палубе в носовой части судна, который служил матросам отхожим местом, так что трудно найти оскорбление обиднее. А в устах принца оно звучало чудовищно. Тибо в ярости продолжал, указывая рукой на море:

– Марш за ним следом! Живо! Отправляйся за Марселином!

Виновник застыл в нерешительности. Он всегда избегал опасности, держался от воды подальше и сейчас в нее прыгнет? Глупость какая!

– Прыгай!

Проказа перекинул ногу за борт, испуганно взглянул на товарищей и... прыгнул. Баталёр прыснул. Адмирал испепелил его гневным взглядом.

Тибо тут же бросил в воду канат. Марселин, отчаянно стараясь не отстать от корабля, плыл возле борта. Сначала его окатил брызгами Проказа, потом плюхнувшийся канат. Тибо смотрел, как марсовые барахтаются в воде, убедился, что они крепко уцепились за канат, и обратился к остальным матросам.

– Всё поняли?

– Так точно, ваше высочество! – крикнули в один голос матросы.

– А теперь тащите их!

Тибо развернулся и спустился к себе в каюту, на прощание так хлопнув дверью, что она чуть с петель не слетела.

Команда вытащила марсовых, а штурман Феликс отправился в трюм «вытаскивать» Эму. Он не забыл времена, когда его дразнили «барышней» и ему доставалось ни за что ни про что, поэтому не сомневался: Эма забилась в какой-нибудь уголок и тоже нуждается в канате, который помог бы ей выплыть. Феликс нашел ее между двумя мешками риса с прижатой к уху раковиной – шумом моря Эма заглушала команды принца.

Феликс протянул ей свою лапищу, но она руки не подала. После того как Проказа поднял на ней рубашку, она все время чувствовала на коже ледяные уколы. Никто никогда не смел к ней прикасаться! И добряк-верзила в том числе.

Проказу лишили сахара, половины жалованья и отобрали драгоценные горошинки перца. Кто-то написал на его кружке «придурок».

Эма делала все, чтобы стать образцовым юнгой, – красила, чистила, конопатила, мало спала и ни с кем не общалась. Старания ее не пропали даром – адмирал, ко всеобщему удивлению, смягчился. Он всегда считал женщин помехой в жизни и благодарил небеса за профессию, которая держала его вдалеке от жены. Но сейчас признал: из казарки вышел правильный юнга. Даже угостил Эму миндальным печеньем. Феликс в себя не мог прийти от изумления, увидев это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.